

Литрес ≡ Классика

Артур Конан Дойль

ГЛОРИЯ СКОТТ

Артур Конан Дойл
Глория Скотт

«ЛитРес»

1893

Дойл А.

Глория Скотт / А. Дойл — «ЛитРес», 1893

Шерлок Холмс рассказывает доктору Ватсону о своём самом первом расследовании, ещё в студенческие годы. Его друг по колледжу приглашает погостить в имение отца, где Холмс замечает странную тревогу хозяина и таинственное письмо с упоминанием судна «Глория Скотт». Вскоре в доме происходит трагедия, и юному Холмсу предстоит распутать клубок давней морской тайны, шантажа и неотвратимого возмездия.

© Дойл А., 1893

© ЛитРес, 1893

Артур Конан Дойл

Глория Скотт

Серия «Литрес Классика»

Перевод А. Туфанова.

© «Литрес», 2026

– Вот здесь у меня бумаги, Уотсон, – сказал мой друг Шерлок Холмс, сидя со мной однажды зимним вечером у камина, – которые, я думаю, заслуживают того, чтобы вы заглянули в них. Документы по чрезвычайно интересному делу о "Глория Скотт", а это – послание к мировому судье Тревору, который умер от ужаса, когда прочитал его.

Он осторожно взял в выдвинутом ящике маленький потускневший валик и, развязав тесемку, вручил мне коротенькую записку, нацарапанную на полулисте грязно-серой бумаги. В ней сообщалось:

"В Лондоне партия по снабжению проиграна. Вероятно, зритель Гёдсон согласно инструкции назвал всех, чтобы бежать при бумагах, спасая жизнь фазаных самок".

По прочтении этого загадочного послания, я взглянул на Холмса, который ухмылялся, глядя на меня.

– Вы, кажется, немного смущены? – спросил он.

– Я не могу понять, каким образом такое послание могло внушить ужас. По-моему, оно просто странно.

– Совершенно верно. Но все-таки факт, что эта записка так чисто подкосила хорошего и крепкого старика, как будто он был мишенью для пистолета.

– Вы возбуждаете мое любопытство, – сказал я. – Но почему вы придаете такое значение этому делу, что заговорили о нем со мной?

– Да потому, что оно было первым, которое я распутывал.

Я часто желал вызвать на откровенность моего друга и расспросить, почему он избрал карьеру сыщика, но не было до сих пор случая. Теперь он уселся в кресло, закурил трубку и, положив бумаги на колени, перебирал их одну за другой.

– Вы никогда не слышали от меня о Викторе Треворе? – начал он. – Он был для меня единственным другом в течение моего двухлетнего пребывания в колледже. Вы знаете, Уотсон, что я вообще малообщителен и больше любил сидеть дома один со своими мыслями, чем ходить в гости к товарищам. Фехтование и бокс нас сближали, но во всем остальном я совершенно расходился с ними, не было точек соприкосновения. Тревор был единственный из них, которого я знал, да и то, благодаря случаю с его таксой, однажды утром примерзшей к моей лодыжке, когда я входил в часовню.

Это было обыденно для начала знакомства, но зато существенно. Я пролежал в постели десять дней, и Тревор навещал меня. Сначала он забежал поболтать не более как на минутку, затем его визиты стали затягиваться, и, наконец, мы подружились с ним самым настоящим образом. Он был здоровый, энергичный, душевный парень, во многом противоположный мне. Но мы нашли общую почву для сближения, особенно с тех пор, как я узнал, что он тоже не имеет друзей. Однажды, во время каникул, он пригласил меня погостить у его отца, который жил около Донниторпа, в Норфолке, и я пользовался их гостеприимством в течение месяца.

Старик Тревор, очевидно, был состоятельный и уважаемый человек, мировой судья и землевладелец. Донниторп – небольшая деревушка к северу от Лэнгмира, в провинции Вольных. У него был старинный, вместительный дом, выстроенный из кирпича и окрашенный дубами. К дому вела прекрасная липовая аллея. В имении были болота для охоты на диких уток, замечательно хорошие места для рыбной ловли, небольшая, но тщательно подобранная библиотека, оставшаяся, как я думаю, от прежнего владельца, и довольно сносный повар, так что только человек с привередью не провел там приятно месяц.

Старший Тревор был вдовец, и мой друг был его единственным сыном. Была у него и дочь, но она, как говорили, умерла от дифтерита во время поездки в Бирмингем. Отец чрезвычайно заинтересовал меня. Он был невысокой культуры с перевесом грубой силы как в физическом отношении, так и в духовном. Он едва ли читал когда-либо книги, но много видел,

много путешествовал и обладал удивительной памятью, помнил все, чему учился когда-либо. С виду он был дюжий, коренастый человек; копна волос с проседью, лицо смуглое, загорелое, а голубые пронизательные глаза где-то витали в пределах свирепости. Однако в своем округе он пользовался репутацией кротости и милосердия и был известен снисходительными приговорами над подсудимыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.